

Революция и миф

Критические заметки о некоторых историографических тенденциях

Владимир Булдаков

Всякое масштабное историческое событие поднимает грандиозную волну мифотворчества – иначе не может быть. В свою очередь, историческое сознание устроено таким образом, что, во-первых, прошлое становится неинтересным, если оно не связано с современностью, во-вторых, если оно не сопряжено с легендами, ритуалами, мифами, порождаемыми знаковыми событиями.

Строго говоря, массовое сознание всегда исходит из мифа и утопии, соотношение между которыми определяет пассионарность той или иной цивилизации в глобальном пространстве. Профессия историка предполагает противостояние (достаточно безнадежное) тому и другому, необходимое для того, чтобы избежать соблазнов стабильности и рисков смуты.

Еще раз о природе российских смут

Герцен писал: «В смутные времена общественных пересозданий, бурь, в которые государства надолго выходят из обыкновенных пазов своих, нарождается новое поколение людей, которых можно называть хористами революции... оно с

ранних лет вливается в среду политического раздражения, любит драматическую сторону его, его торжественную и яркую постановку»¹.

Люди победившей революции становятся ее первыми мифотворцами. Способен ли «независимый» ис-

БУЛДАКОВ Владимир Прохорович – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН. *E-mail*: kuroneko@list.ru

Ключевые слова: революция, миф, историография, массовое сознание, массмедиа.

торик в принципе противостоять им и их последователям? Или он становится орудием нового мифа, вытесняющего устаревший?

Историю всякой революции следовало бы изучать с позиций синергетики, а не прогрессистского видения истории. И прежде всего усвоить, что в сложноорганизованных системах все взаимосвязано. При этом они разрушаются не столько «снизу», сколько «сверху» в той мере, в какой власть – этот своего рода аттрактор стабильности – «теряет лицо». Их разложение происходит не под непосредственным воздействием внешних обстоятельств, а в силу органической неспособности найти им достойный ответ изнутри.

В переходные эпохи социальное пространство теряет былую упорядоченность; его диффузное состояние требует аттракторов особого рода – «свободных радикалов», порвавших (пусть чисто внешне) с прежним этосом; диссипативные элементы образуют ядро обновляющейся системы, по-своему стабилизирующее «взбесившийся традиционализм». И если, согласно пословице, рыба гниет с головы, то на этом фоне «свежая» власть даже в лице экс-диссипантов покажется успешной.

Имперская система патерналистского типа при всем своем внешнем величии психологически неустойчива. Видовые признаки «настоящей» власти известны:

- харизматическое наполнение, органично связанное с личностью правителя;

- сакральный характер господства последнего, поддерживаемого «высшими» силами;

- легитимизация низами любых, включая репрессивные, действий

верхов в критических обстоятельствах;

- концентрация военной мощи, призванной усмирить любого внешнего и внутреннего врага.

Символически воплощенное единство духовных и управленческих интенций государства должно соответствовать историческому опыту и ожиданиям подданных, а экономическая мощь – естественно, направляться на поддержку низов в экстремальных обстоятельствах (неурожай, голод, эпидемии, пожары и т. п.). В любом случае власть обязана обладать «человеческими» (а не чисто бюрократическими) навыками управления:

- не допускать появления и разрастания в подконтрольном социальном пространстве маргинальных слоев и, особенно, диссипативных элементов;

- уметь по-третейски поддерживать сложившийся баланс социальных иерархий и нейтрализовать излишне пассионарных их представителей;

- конструктивно взаимодействовать с самоуправленческими традициями низов.

Со своей стороны, правящие элиты должны демонстрировать идеологическую сплоченность, блокирующую действия антисистемной оппозиции, а также и внутреннюю солидарность, обеспечивающую поддержку инновационных начинаний сверху. Система, испытывающая дефицит этих качеств, становится обреченной, ибо «слабость» власти воспринимается как непосредственная угроза человеческому существованию. В результате утраты своего солидаристского психоэмоционального

наполнения она начнет превращаться в беспомощное ригидное сооружение – своего рода памятник самой себе. Впрочем, со временем «памятник», будучи разрушен, может вызывать ностальгические восторги.

К сожалению, в историографии до сих пор не поставлен вопрос о степени этатизированности российского массового сознания, порождающего склонность к мифотворчеству особого рода. В сущности, *россиянин всегда верил*, прежде всего в *государство*, а лишь затем в Бога; последний годился для сакрализации центральной фигуры пантеона – «Великого Государя». Поэтому исход российской смуты единообразен: люди, не привыкшие к самостоятельному принятию социально ответственных решений, следуют по пути возрождения авторитаризма с обреченностью протрезвевшего холопа.

Но профессиональным обществуведам сложно перевести житейски понятные коллизии на язык позитивистской науки. Так, довольно трудно объяснить в терминах политологии, что большевизм – это «политика» на службе у отчаяния и надежды, причем надежды социального дикаря, а не гражданина.

Герцен полагал, что переворот Петра сделал «худшее, что можно сделать из людей – просвещенных рабов»¹. Поскольку сакральность власти логически оспорить невозможно, а бороться с ней нет сил, «просвещенные рабы» (интеллигенты) периодически провоцируют «рабов непросвещенных». Последние вступают с ними во временный союз словно специально для того, чтобы, пережив смуту, выдать их с потрохами и возопить: «Бес попутал!» Со временем на-

чинают «каяться» и представители интеллигенции.

Можно сказать, что российская власть строилась по «непогрешимому» народному сценарию (так называемой домашней – патерналистской – модели). Такая высшая – в традиционалистском ее понимании – власть в принципе *не могла считаться дурной*, однако в лихие времена она могла предстать *ложной*, т.е. не соответствующей своему предназначению. Впрочем, таков примордиалистский стержень любого господства: «власть, которую оспаривают и противоречиво интерпретируют, уже не есть власть»².

Народ периодически бунтует не против власти как таковой, а против ее искажения ее желанной сути «чуждыми» и «инородными» элементами, а равно и любых покушений на ее изначальное естество.

Духом акого протеста проникнута книга В.И.Ленина «Государство и революция»; величайший разрушитель подбирал в ней оптимальную форму государственности для России.

Из бунта «просвещенных рабов» в условиях господства синкретического сознания подавляющего крестьянского большинства вряд ли получится революция в европейском ее понимании. Бунт может стать апофеозом системного кризиса империи – явления куда более сложного, которое невозможно понять на уровне простейших причинно-следственных зависимостей. Самое нелепое, что можно придумать, – это отрицание неизбежности революции, исходя из того, что старый режим обеспечивал среднестатистическое благосостояние, куда более высокое, нежели постреволюционное. Но оказывается, что еще не перевелись ав-

торы, доказывающие несостоятельность большевистского видения ре-

волюции большевистскими же методами.

Вчерашние и сегодняшние истоки мифотворчества

Задача всякой великой революции не просто перевернуть мир, а подстроить опостылевшую реальность под «вдохновляющий» миф.

Это акт жестокого мифотворчества, противостоящий десакрализованной реальности. В эпистемологическом отношении «ужас» революции заключается не в масштабах непосредственного насилия, а в том, что она заставляет поверить в «преображающее» насилие как в норму, оправдывающую властный террор. Естественно, что со временем начинается болезненное отторжение от навязанной «нормы».

«Красная смута» не могла не породить волны глобального мифотворчества, во-первых, потому, что ее интенции были связаны с идеологией европейского Просвещения, во-вторых, в силу того, что ее внутреннее наполнение закрепило агрессивный имидж России.

Причины внутреннего мифотворчества определялись тем, что победоносная революция некоторое время была источником вдохновения масс. Напротив, по мере истощения «оптимистичного» мифа, наступил период мнемонической и историографической фрустрации. Пытаясь преодолеть ее, одни авторы заговорили о необходимости клиотерапии (такая установка является мифотворческой *sui generis*) с помощью социальной истории³, другие бросились доказывать, что три российские смуты (XVII в., начала и конца XX в.) явились «локомотивами» (должно быть,

по известной аналогии) необычайно «успешной» русской истории⁴.

В общем, крах СССР создал ситуацию, когда одряхлевший коммунистический миф⁵ стал вытесняться им же порожденным антиподом⁶. Возникла питательная среда для нового витка мифотворчества.

Понятно, что большинство авторов хотело бы отыскать в Октябрьской революции ключ к «загадкам» советской истории. На деле анализ всякой смуты может, прежде всего, приоткрыть нечто в социокультурной среде, ее породившей, и лишь затем позволяет изнутри уловить риски грядущих смут.

Постреволюционная история зависит от пережитого катаклизма лишь в той мере, в какой она связана с ней своего рода идейной пуповиной. Идеология «Великого Октября», как и всякая религия, дает лишь ключ к пониманию коммунистической идеократии, но отнюдь не советского строя в целом.

Интересно, что об Октябрьской революции сегодня «все всё знают» – ситуация, характерная для мифологизированного сознания. Если десятилетиями вдалбливать в головы представление о «блестящей победе» большевизма, то «позитивный» миф поменяется на противоположный по мере разочарования в плодах этой победы.

В современных условиях мифы о революции (смуты, системного кризиса) психологически связаны с ощущением недостижимости стабильно-

го развития России. Трудно разобраться в том, почему и как «славное» имперское, а затем советское прошлое было закономерно порушено «неведомыми» силами. Легче поверить, что «прогресс» был перечеркнут несчастливим стечением случайных

обстоятельств, которыми воспользовались «враги». Несмотря на появление ряда работ, так или иначе доказывающих, что кризисность является «нормой» российской истории⁷, внимание читающей публики привлекают работы иного рода.

От клиотерапии к конспирологии

Мне приходилось не раз разбирать тексты Б.Н.Миронова⁸. Хотелось узнать, как автор, восторгавшийся успехами дореволюционного прошлого, объяснит причины русской революции. Наконец соответствующая статья появилась. Ее выводы в очередной раз изумляют.

Прежде всего поражает, что Миронов вполне по-марксистски начинает с теории, с концепций. Для исследователя, написавшего столько текстов по социальной (вроде бы) истории, такой прием кажется противоестественным: создается впечатление, что о принципах герменевтики он не слыхивал. Когда-то историю «красной смуты» втискивали в прокрустово ложе «самой передовой» марксистско-ленинской теории.

Тот факт, что Миронов перебирает целый набор теорий (порядком обветшалых), ситуации не меняет.

В свое время К.-Г.Юнг предупреждал: «Пытаясь оценить и объяснить катастрофические события европейской истории последних десятилетий, современные исследователи чувствуют обветшалость и бессилие традиционных средств»⁹.

Миронов, напротив, упорно цепляется за обветшалые западные теории, подчас не имеющие точек соприкосновения с действительностью. Он вообще руководствуется

количественным принципом, достойным гоголевского персонажа: в хозяйстве всякая веревочка сгодится.

В чем же причина провала столь успешной и благостной, по Миронову, российской модернизации? Оказывается, во всем виноваты ее «издержки, или побочные продукты». Но что это за модернизация, которой суждено стать жертвой собственных несовершенств? По Миронову, «общество испытало то, что называется травмой социальных изменений, или аномией успеха»¹⁰. Это напоминает хрестоматийный случай с унтер-офицерской вдовой, которая сама себя высекла.

Честно говоря, я никогда не понимал логики Миронова, постоянно ориентирующегося на сомнительные статистические данные, собранные бюрократами, ради иллюстрации собственных «достижений». В последней книге он обнаружил еще один индикатор роста благосостояния крестьянства – прогрессирующее потребление спиртного¹¹. Затем нашелся еще один уникальный показатель российского «прогресса» – уровень суицидальности и преступности населения¹². А поскольку, вдобавок к этому, темпы роста не только экономики, но и отечественной телесности были впечатляюще высоки,

то системный кризис – выдумка большевиков.

Зачем же ставить себя в столь нелепое положение? Не пора ли отказаться от «зоотехнического» измерения модернизации: если мужик пьян, а баба в теле, – прогресс состоялся. Но стоит ли искать истину в трех соснах? Важнейший показатель ненавистного Миронову системного кризиса в России – неверие населения в легитимность существующей власти. Однако Миронов упорно скатывается к конспирологической теории революции, несколько сдобренной осуждением «дурного» поведения масс¹².

Миронов упорно выставляет оценки за поведение людям прошлого, не понимавшего своего «счастья». Но почему они этого не понимали? С позиций «телесного детерминизма» этого не объяснишь.

У всех архаичных систем, подобных российской, один конец: власть либо закидает от безволия «самодержцев», либо деревенеет от тупости бюрократии. К тому же недостаток развращает – все считают себя обделенными. То, что Миронов принимает за процветание, несло в себе чудовищный революционный потенциал. Бывают времена, когда люди превращаются в жертв собственных прихотей, предрассудков и страстей.

Собственно, все это подтвердил Миронов, не к месту пристегнув к сомнительной статистике обветшалые теории. Остается только гадать: что он понимает под системным кризисом, если не ситуацию, отчетливо проглядывающую сквозь его сомнительные построения?

Историки стремятся понять, как внутри таких устойчивых величин, как культура, хозяйство или мен-

тальность, «вдруг» происходит лавинообразный рост «малых возмущений», оборачивающийся тотальным хаосом, который пытается взломать генетический код системы. Между тем ответ прост: хаос приходит изнутри, от простых людей, тихое существование которых становится невыносимым вовсе не по причинам нарушения отмеренных сверху норм потребления. Увы, Миронов «маленького человека» не различает, для него существуют только «индекс массы тела» усредненного российского социального существа.

Разумеется, Миронов выступает поборником реформ, а не революций. Споры нет, всякий прогресс зависит от способности общества к самореформированию. Но если общество лишено соответствующих потенциалов, а власть нацелена на самообслуживание, то стоит ли сочинять панегирики реформам и предавать анафеме революцию?

Между прочим, видовая особенность российской власти состоит и в том, что она способна делать правильные вещи с таким опозданием, что они лишь ухудшают ситуацию, вместо того чтобы исправить ее. Удивительно, но мало кто из современных исследователей замечает, что вера, власть, народ словно пребывают в разных измерениях вопреки известной формуле: «Православие, самодержавие, народность»¹³. Для Миронова такой проблемы не существует. С упорством, достойным лучшего применения, он занимается доказательством несуществующей теоремы.

Как ни странно, аргументацию Миронова нынешние студенты (и не только они) вполне понимают и принимают.

С чем это связано?

Во-первых, в советское время народ приучили фетишизировать экономические показатели «от съезда к съезду». Инерция такого подхода к «прогрессу» дает себя знать.

Во-вторых, формально-логическая аргументация наиболее доходчива (а потому с ее помощью выстраиваются самые нелепые «научные» конструкции).

В-третьих, современная психология потребления охотно поглоща-

ет именно «зооантропологическую» аргументацию Миронова. С чем его и поздравляем.

Есть тип «исследователей», которые, подобно дон Кихоту, непременно сразятся с ветряными мельницами.

Порой статистические абстракции толкают историческую науку к отвлеченно-самодостаточному существованию, «излишние» сложности реальной жизни лишь мешают. В этом источник мифотворчества, представленного Мироновым.

От заблуждений профессионалов к профессиональным мифотворцам

По поводу Октябрьской революции не раз высказывался известный специалист по истории Древней Руси И.Я.Фроянов. В прошлом он заявлял, что «было бы сверхпримитивизмом ставить революционные события 1917 г. в зависимость исключительно от происков мировой закулисы или от действий кучки революционеров, возглавляемых Лениным...»¹⁴.

Со временем он фактически сам встал на «сверхпримитивную» точку зрения. Мировая война, пишет он, вызвала «бесформенную» Февральскую революцию, которая ничего не дала народу, а Октябрьская революция «стала прямой реакцией на революционную ущербность Февраля». И все было бы неплохо, если бы после 25 октября 1917 г. «революция для России» не уступила место своего рода глобалистскому проекту под названием «Россия для революции». Заявив об этом, автор попадает в объятия евразийских и национал-большевистских фантазий, одобренных антитроцкистской конспирологией¹⁵. Что делать – образы «красной

смуты» могут покорежить и сознание профессионала.

Профессиональные авторы отмечают, что обыденное сознание дремлет в плену мифов. Но констатируя это, они тут же помогают выстраиванию новых мифов. Особенно интенсивно это происходит во времена, когда «издержки профессионализма» и персональные комплексы начинают резонировать с общественными психозами. Именно тогда массовое сознание наиболее охотно откликается на вопли параноиков. Так, некий самодетельный автор без колебаний прозвал Февральскую революцию спецоперацией¹⁶. Примечательно, что, выпустив массу поповской продукции о всемирном заговоре против России¹⁷, он категорически отрицает свою причастность к конспирологии.

Авторов такого пошиба можно было бы не упоминать, если бы не несколько обстоятельств.

Во-первых, дорогу шарлатанам расчищают вполне академичные авторы, взявшиеся «улучшать» историю.

Во-вторых, их самодеятельным последователям поверят охотнее и быстрее, поскольку они в своей аргументации используют не только наиболее доходчивые формально-логические «аргументы», но и «благородные» обличительные эмоции.

В-третьих, постсоветская действительность породила массу диссипативных элементов от истории, которые и обеспечивают мнемонические психозы.

Если взглянуть в реалии 1917 г., то обнаружится, что старую власть ни в Феврале, ни в Октябре никто не свергал. Она разваливалась сама, ее скорее добивали, причем делали это с настоящим упоением. Неслучайно «революционные» события 90-х годов протекали по сходному сценарию. А потому «психотравма» одной революции органично вписалась в историографические психозы последующей смуты.

Строго говоря, историкам в любой стране не раз приходилось представлять перед судом сильных мира сего или перед «пестрым синклитом» всевозможных авторитетных дилетантов¹⁸. Но кажется, что только в современной России в среду последних допускают откровенных неучей параноидального склада. Советский марксизм отучил людей верить в очевидное – в отместку они поверили в неуловимое. Отсюда череда лжепророков, эксплуатирующих провалы коллективной памяти народов.

Так, некий самодеятельный «историк» сочинил книгу об оккультных корнях русской революции. Книга посвящена Я.М.Свердлову: тот сделал шкуру из своего любимого черного пса – это и есть решающее доказательство¹⁹.

Сей автор откровенно бахвалится собственной «необъективностью», горделиво за-

являя, что история вообще «субъективная наука»¹⁹, в которой, по его разумению, любому шарлатану уготовано законное место.

Всякий исторический источник многомерен – каждый выбирает из него то, что соответствует его уровню понимания, и интерпретирует этот материал в соответствии с собственными нравственными установками. Любителям «доступной истории» невдомек, что существует профессиональное источниковедение, которое призвано свести неизбежную для всякого автора необъективность к минимуму. Современная медийная поп-культура, напротив, старается уравнивать графомана-параноика и историка-профессионала. Этому помогает политкорректность – суррогат и морали, и даже веры.

Мионов органически не признает никаких российских кризисов, ибо они никак не увязываются с его эволюционистскими построениями. Прочие из упомянутых авторов вообще склонны верить только в «бесов революции». Именно эта старая как мир вера и является питательной средой для современного мифотворчества.

Наплывы смутного времени, периодически лихорадящие относительно спокойное течение истории, имеют сугубо человеческое происхождение.

В 1932 г. К.-Г.Юнг писал, что следует выделять в социальных катастрофах «проявления психического начала», доходящие до «психических эпидемий». Увы, в своем большинстве современные «аналитики» шарахаются от попыток поиска истоков социальных кризисов в исторических надрывах человеческой психики. Конечно, думать, что в «любой момент (выд.–

Авт.) несколько миллионов человеческих существ могут оказаться охвачены новым безумием»⁹, житейски непрактично, но теоретически нельзя отри-

цать, что феномен кризисности связан с непредсказуемостью культурно-антропологических реакций на «вызовы времени».

Любой миф возводится на почве наиболее примитивных предрассудков. Увы, они по-прежнему определяют ситуацию на всех уровнях исторического сознания. Современные массмедиа усугубляют ситуацию, неуклонно превращая человека в пассивного потребителя упрощенной и в то же время «подперченной» сенсационностью исторической информации. И даже профессиональным историкам трудно быть в стороне от этого процесса.

Примечания

- ¹ Герцен А.И. Былое и думы. Исповедь. М., 2003. С. 594,468.
- ² Московичи С. Машина, рождающая богов. М., 1998. С. 287.
- ³ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи. Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства (XVIII – начало XX в.) СПб., 1999. Т. 1. С. 16.
- ⁴ Соловей В.Д. Русская история: новое прочтение. М., 2005. С. 197, 7–9.
- ⁵ Buldakov V. Scholarly Passions around the Myth of «Great October» // After the Fall: Essays in Russian and Soviet Historiography. Ed. by M. David-Fox, P. Holquist, M. Poe. Bloomington, 2004.
- ⁶ Павлова И.В. Что это было? Современная российская историография об историческом смысле социальных преобразований 1930-х годов // Культура и интеллигенция сибирской провинции в годы «Великого перелома». Новосиб., 2000.
- ⁷ Булдаков В.П. Российские смуты и кризисы: востребованность социальной и правовой антропологии // Россия и современный мир. 2001. № 2(31); Он же. Quo vadis. Кризисы в России: пути переосмысления. М., 2007; Он же. Революция как проблема российской истории // Вопросы философии. 2009. № 1; Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М., 2005; Соловей В.Д. Смысл, логика и форма русских революций. М., 2007; Он же. Кровь и почва русской истории. М., 2008.
- ⁸ Булдаков В.П. Россия или мифы о ней? По поводу статьи Бориса Миронова «Униженные и оскорбленные: «Кризис самодержавия – миф, придуманный большевиками» (Родина. 2006. № 1) // Родина. 2006. № 8. С. 7–9; Российская история. 2011. № 1. С. 155–156, 173–174, 193–196, 198.
- ⁹ Юнг К.-Г. О современных мифах. М., 1994. С. 39, 242.
- ¹⁰ Миронов Б.Н. Уроки революции 1917 года, или кому на Руси жить плохо // Родина. 2011. № 12. С. 13.
- ¹¹ Миронов Б.Н. Благополучие населения и революция в имперской России: XVIII – начало XX века. М., 2010. С. 544.
- ¹² Родина. 2012. № 1. С. 74–77; № 2. С. 16–17.
- ¹³ Леонтьева Т.Г. Вера, народ, власть: истоки провалов российских реформ (вторая половина XIX–XX вв.) // Интеллектуальная элита в контексте русской истории XIX–XX вв. М., 2012. С. 167–188.
- ¹⁴ Фроянов И.Я. Октябрь семнадцатого (глядя из настоящего). СПб., 1997. С. 8.
- ¹⁵ Фроянов И. Революция для России // ЛГ. 2007. 29 августа – 4 сентября.
- ¹⁶ Стариков Н. Февраль 1917: Революция или спецоперация? Изд. 3. М., 2007.
- ¹⁷ Стариков Н. Кто убил Российскую империю? Главная тайна XX века. М., 2006; Он же. Мифы и правда о Гражданской войне. Кто добил Россию? М., 2006; Он же. Главный враг России. Все зло приходит с Запада. М., 2008.
- ¹⁸ Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 72.
- ¹⁹ Шамбаров В. Окультизмные корни Октябрьской революции. М., 2006. С. 334–335, 464.